

РЕДАКЦИЯ— Москва, Центр, Б. Черкасский 6. Тел. 5-67-03.

ШТУРМ ЦЕНТРАЛКИ

Владимир Ильич Ленин дал оценку нашумевшим в 1905 году событиям в Риге. Группа боевиков-революционеров напала на политическую тюрьму и с боем освободила двух товарищей, ожидавших смертного приговора.

На следующей странице, в рассказе И.П.Трайнина "Как это было", читайте описание героической вылазки рижских революционеров.

Специальный корреспондент солидной консервативной газеты «Тетрs» телеграгазету из Петербурга фировал в эту 21 (8) сентября:

«Позапрошлой ночью группа в 70 человек напала на Рижскую центральную тюрьму, перерезала телеграфные линии и посредством веревочных лестниц влезла в тюремный двор, где после жаркой стычки было убито двое тюремных сторожей и трое тяжело ранено. Манифестанты осво-бодили тогда двоих политических, которые маходились под военным судом и ждали смертного приговора. Во время преследования манифестантов, которые услели скрыться, за исключением двух, подвергшихся аресту, был убит один агент и ранено несколько полицейских».

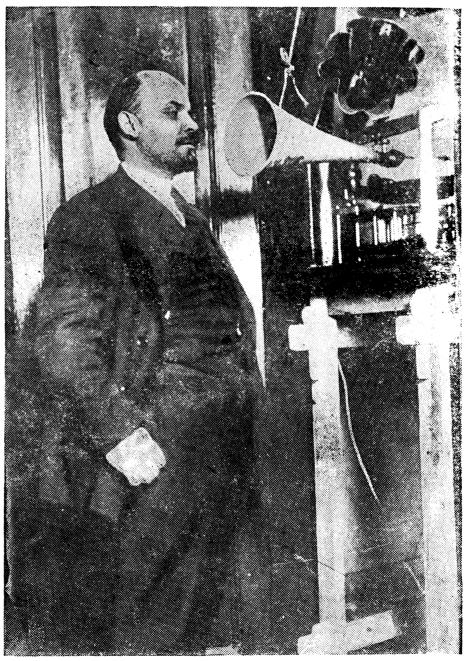
Итак, дела подвигаются все же вперед! Вооружение, несмотря на неимоверные, не поддающиеся никакому описанию труднести, все же прогрессирует. Индивидуальный террор, это порождение интеллигентской спабости, отходит в область прошлого. Вместо того чтобы тратить десятки тысяч рублей и массу революционных сил для убийства накого-нибудь Сергея (который революционизировал Москву едва ли не лучше многих революционеров), для убийства «от имени на--вместо этого начинаются военрода»,ные действия вместе с народом. Вот когда пионеры вооруженной борьбы не на сповах только, а на деле сливаются с массой, становятся во главе дружин и отрядов пролетариата, воспитывают огнем и мечом гражданской войны десятки народных вождей, которые завтра, в день рабочего восстания, сумеют помочь своим опытом и своей геройской отвагой тысячам и десяткам тысяч рабочих.

Привет героям революционного рижского отряда! Пусть послужит успех их ободрением и образчиком для социал-демократических рабочих во всей России. Да здравствуют застрельщики народной революционной армии!

Посмотрите, каким успехом, даже с чисто военной точки зрения, увенчалось предприятие рижан. Убито трое и ранено вероятно 5-10 человек у неприятеля. Наши потери: всего двое — вероятно раненых и потому взятых в плен врагом. Наши трофеи — двое революционных вождей, отбитых из плена. Да ведь это бпестящая победа! Это — настоящая победа после сражения против вооруженного с ног до головы врага. Это уже не заговор против какой-нибудь ненавистной персоны, не акт мести, не выходка отчаяния, не простое «устрашение», — нет, это обдуманное и подготовленное, рассчитанное с точки зрения соотношения сил начало действий отрядов революционной армии.

Ленин

("Пролетарий" № 18, 26 (13) сентября 1905 г.)

Звуковое кино запечатлевает сейчас на пленку любое движение и речь, и уже через несколько дней притаившийся зрительный зал видит на экране отнятый у времени кусок жизни со всеми присущими ему разноголосыми шумами. Но десять лет назад звукового кино не было, и только великий немой сохрании для грядущих поколений несколько драгоценных кадров об Ильиче. Совершенно независимо от кино граммофонная пластинка запечатлела звуки голоса Ильича, и теперь специалисты в области звукового кино делают интересную попытку синхронизировать эти запись, сделать их совпадающими по времени.

На фото—Владимир Ильич Ленин говорит в рупор записывающего речь аппарата. Этот снимок
был сделан в 1919 году.

КАК ЭТО БЫЛО

Очерк И. П. Трайнина

Рисунки В. Люшина

Июль и август 1905 г. были месяцами беспрерывной стачечной борьбы в Риге. Упорная борьба, особенно на Русско-Балтийском заводе, изнуряла рабочих. Частичные неудачи ободрили фабрикантов и заводчиков, которым усердно помогала полиция. Последняя массами арестовывала рабочие делега-ции и представителей революционных партий. Из большевиков в числе других были арестованы члены комитета: тт. Марк (Семенчиков), Валерьян (Бранденбургский) и Евгений Тюрьмы и участки переполнились до отказа. В сентябре должна была начать свою «работу» сессия военного суда, которой предстояло вынести смертные приговоры многим политическим заключенным. Революционные партии посвятили этому событию специальные листовки. Возмущение рабочих ширилось, искало выхода. На заводах и фабриках слышались гневные речи:

— Нельзя молчать! Нужно ответить на террор правительства.

— Чем? — Казнить кого-нибудь из высших чинов полиции!

 Убьют одного, поставят другого... Все мысли были направлены в сторону товарищей, томящихся в тюрьме.

— Как им помочь?

— Напасть на конвой и отбить арестованных во время следования в суд? - Не плохо. Но на этот раз нужно нечто более действенное.

Новое предложение примирило всех: организовать нападение на тюрьму. Удар правительству должен быть нанесен прямо в лоб.

Совместными усилиями боевиков латышской социал-демократической рабочей партии и РСДРП было подготовлено нападение на центральную тюрьму, где в одиночном корпусе томились политические заключенные.

Задача не из легких! Комитеты партий колебались санкционировать это смелое предприятие. Но боевики настаивали на своем.

Мысль о немедленном освобождении заключенных из «централки» действительно могла показаться невыполни-

Рижскую центральную тюрьму выстроили недавно, с учетом всех «достижений» тюремной техники. Она была гордостью полицейского строя. В отличие от старой рижской губернской тюрьмы, где в прошлом было не мало побегов, «централку» снабдили целой системой изолированных дворов и зданий, выстроили высокие, трудно преодолимые заборы и ограды, заботливо охраняемые солидным штатом надзирателей и специальным отрядом каза-KOB.

Первая попытка похищения политзаключенных закончилась неудачей.

В назначенный час два десятка дружинников собрались у стен тюрьмы. Перерезали телефонные провода. Группами перелезли через забор и прибливились к ограде корпуса одиночной тюрьмы. Внезапный оклик часового заставил всех застыть на месте.

– Кто идет?

Ответа конечно не последовало. Часовой выстрелил. Сбежалась охрана. Дружинникам пришлось отступить.

Еще с большей настойчивостью началась подготовка ко второму нападению. Но и оно кончилось неудачей.

«Централка» находилась у самой линии железной дороги. Дружинники уже готовились перелезть через забор, когда их заметила бригада маневрировавшего поезда. Паровоз поспешно ушел по направлению к станции. Нависла угроза, что вслед за этим прибудет полиция и войска. Двигаться дальше значит лезть в западню.

Снова приказ: «Разойтись!»

Но первые неудачи лишь усиливают упорство, и при третьей попытке учитываются все предыдущие промахи. Дружинники получают ключи от одиночного корпуса — их приносят рабочие, ремонтирующие тюрьму.

В 11 часов вечера, 6 сентября 1905 г., 50 хорошо вооруженных дружинников собрались на кладбище возле «централки». Выяснилось, что охрана тюрьмы в этот день состоит из 60 надзирателей и небольшого отряда казаков.

— Ну что ж? Отступления на этот раз не должно быть.

— Нужно действовать решительно, стараясь разбить охрану на отдельные части и не давать ей возможности сое-

Через несколько минут дружинники оказались по ту сторону ограды. Перерезан телефон. Разделились на две группы. Одна направилась к корпусу одиночной тюрьмы, другая во главе с тов. Сныпэ осталась у забора, с тем, чтобы отразить нападение охраны на случай вынужденного отступления первой группы.

Первая группа, пройдя к воротам следующей ограды, открыла их ключом и подкралась к часовым здания одиночки.

– Кто идет?

Часовой открыл огонь.

В ответ посыпался огонь дружинни-Часовой упал. Два других, побросав винтовки, бежали.

- Товарици! — послышался торопливый окрик. — Раненые есть?

- Нет.

Теперь все зависело от быстроты. Расставили своих часовых, ключом открыли вход в одиночки.

Вперед, товарищи, на третий этаж. Но первые выстрелы уже подняли на дворе суматоху. Донеслась стрельба. Это группа тов. Сныпэ вступила в схватку с надзирателями.

Некоторые дружинники заколебались.

— Стоит ли итти наверх?

— Отступить? Ни за что!

- Вперед, товарищи!

Быстрым шагом по лестницам. На третьем этаже неожиданное препятствие: ключи не полходят,

Топором и ломом дружинники форсируют железные двери.

- Нажимай!

Вот двери подались — и нестройная толпа ввалилась в коридор.

Снова не подходят ключи.

Ярость способна прошибить двери. Выход один:

- Ломать замки!

В камерах движенье, шум, стук.

 Товарищи, именем революции мы пришли вас освободить!

В ответ загремели восторженные приветствия. Кто-то затянул песню. Ее подхватили в других камерах. Вместе с песнями бурно взорвались лозунги.

Да здравствует революция!

Гулкий лязг и звон разбиваемых замков заполнил коридор. Никто в точности не знал, кто в какой камере сидит. Пока велись расспросы, разлетелся вдребезги замок первой камеры.

- Выходи!

Человек в камере, весь бледный, упирался.

- Выходи!

- Я не пойду.

На миг недоумение... Но некогда раздумывать. Дружинники набросились на следующие замки. Никто не предполагал, что отказавшийся выйти — Николай Орлов — окажется в будущем прелателем.

Удары топоров и лома ухали без перерыва. Дружинники, тяжело дыша, били по замкам изо всех сил. Со двора, все учащаясь, доносились выстрелы.

Спешите, товарищи, ломайте ско-

Расшибли замок второй камеры. Пулей вылетает из нее заключенный. Он попадает в объятия дружинникоз.

- Свободен столяр Иван Лацис! Удар за ударом эхом отдавались по тюрьме. Распахнулись двери третьей

- Ура! Ура!

- Свободен литейщик Юстус Шлесcep!

Лациса и Шлессера ожидал военный суд. Их обвиняли в приготовлении бомб на заводе «Феникс».

Уже гремели и звенели замки следующих камер, но пальба со двора становилась все более частой. Группе тов. Сныпэ все труднее давался натиск надзирателей. Дружинники упорным огнем держали их в казармах, не подпуская к корпусу одиночки.

Вдруг снизу послышался крик часо-Boro:

 Товарищи, немедленно спускайтесь! По коридору пронеслась команда: «Вниз!» На миг топор и лом перестали ухать по замкам, затем удары возобновились. Отдельные дружинники не хотели уходить. Их почти силой пришлось оттаскивать от дверей.

Предстояло итти на соединение с группой тов. Сныпэ, еле уже сдерживавшей осмелевших надзирателей.

— До свиданья, товарищи, мы еще вернемся!

Из камер донесся громкий гул. Затем десятки раз повторяемый клич: — Долой самодержавие!

— Да здравствует революция! Отступали организованно. По дороге снимали своих часовых и, поддерживая перестрелку с надзирателями, прикрывали отступление освобожденных товарищей.

Из дружинников никто не пострадал, У неприятеля было убито двое над зирателей и трое было ранено.

Сообщение о нападении на «централку» комментировалось на другой день в каждом цехе, каждой мастерской Впечатление было ошеломляющее.

Полиция неистовствовала. Она объя вила премию в 1000 рублей за поимку освобожденных. Но из революционных рядов вырвали только тов. Сныпэ.

Следующей ночью тов. Сныпэ возвращался домой. На углу одной из улиц его окликнул городовой. Сныпэ выхватил револьвер и единственным оставшимся у него патроном уложил городового на месте. Намереваясь спастись, он прыгнул в пролетку, но извозчик выдал его полиции.

Сныпэ присудили к 15 годам каторги. Среди рабочих масс нападение на тюрьму вызвало приподнятое, боевое настроение. Каждый чувствовал себя участником великого общего дела. Единый клич объединил всех:

- Нужно вооружаться!

Такова была прелюдия к развернувшимся в последующие месяцы вооруженным боям; приведшим в октябре и ноябре к изгнанию помещиков и царских властей из деревень Латвии.

К О Р А Б Л Ь УДАРНИКОВ

Путевые очерки участника рейса на «Абхазии», ударника завода «Серп и Молот» Германа Бебчука

праздничные будни

Бурная, неспокойная ночь...

Черные волны тяжело перекатываются по мрачным просторам Финского залива. Жемчужная кружевная пена закипает на гребнях волн. Их безостановочное движение стихийно-равномерно, и кажется — нет и не будет конца мраку этой ночи и тяжеловесно-медлительному дыханию циклопических водных масс.

«Абхазия» идет в Гамбург. Острый форштевень теплохода легко разрезает волны. Судно сильно качает. Оно купается в брызгах и водяной пыли, скатываясь в ущелья между волнами и плавно взлетая на кипящие гребни.

На палубах, на капитанском мостике властвует суровая, сосредоточенная прова кораблевождения. Здесь четкая и точная работа тех, кому поручена жизнь и здоровье пассажиров теплохода—257 лучших рабочих-ударников Советской стравы.

На палубах — трезвые рабочие двадцатичетырехчасовые будни. Внизу в каютах, в кают-компании, в салонах ярким контрастом бьет и клокочет иная жизнь. Здесь радостный праздник. Здесь ключом кипит молодой задор, веселые шутки и смех звенят и перекабиринтам коридоров, кают, кубриков и трапов. Они одинаково молоды, эти 257 лучших строителей социализма. Серебрящийся сединой металлист и комсомолка со щеками, покрытыми нежным пушком первой юности, — они одинаково пренизаны и согреты одним огнем творческого, ударного энтузиазма.

Праздник!..

Да, поверхностный наблюдатель, прислушиваясь к веселой симфонии криков, песен, звуков гармоники и хохота, не задумается назвать это симфонией беззаботного, бездумного и безоглядного праздника.

Но такое впечатление вынесет лишь поверхностный наблюдатель.

Взгляните на шумный рой молодежи, оживленно спорящей в углу.

Это — организационное заседание редколлегии судовой стенновки.

Дальше, так же шумно и оживленно, работают культкомиссия, хоровой кружок, производственный кружок, где ударники обмениваются опытом.

Те же трудовые будни, только наэлектризованные и опьяненные необычностью обстановки...

ПОЛИЦИЯ УТВЕРЖДАЕТ ЗАКОННОСТЬ

До Гамбурга осталось 20 часов плавания.

Утром ветер дошел до семи баллов. До самого обеда я стоял на носу «Абхазии», жадно впитывая в себя все то необычное, что дает сухопутному жителю море.

За обедом заговорила радиостанция, передавая сводки новостей из далекого Союза. А вечером все рупора «Абхазии» сообщили:

— Товарищи! Сейчас мы проходим датский остров Борнхольм. До самого Гамбурга море будет спокойное.

Это сообщение ребята встретили дикими воплями восторга. Морская болезнь давала себя знать. Тюрчанка Сагайдак, текстильщица из Баку, переживала качку особенно болезненно. Она каталась на кровати, отталкивая врача, и без перерыва надрывно кричала:

— Высадите меня на берег! Высадите меня на берег! Пешком домой пойду! Высадите меня на берег!

Два слова об «Абхазии».

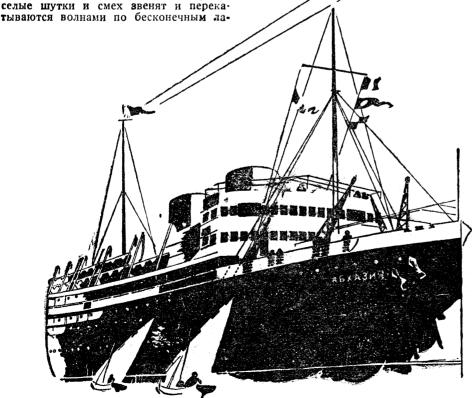
Теплоход целиком сделан из советского материала. Рабочие Балтийского судостроительного завода построили его в ударном порядке. Длина теплохода—112,5 метра, водоизмещение—5740 тонн. В машинном отделении четко стучат два мощных дизеля по стучат два мощных дизеля по случат два корость его—15 миль в час.

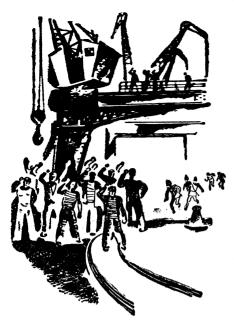
В Кильском канале к «Абхазии» суетливо подбежал маленький катерок. Спустили трап, и на теплоход поднялся лоцман — плотный немец. Он поведет «Абхазию» по каналу, сквозь строй судов и шлюзов.

На пристани маленького городка Гальтенау собралась небольшая кучка любопытных, глазевших на советский корабль. Кроме полицейских, здесь было несколько оборванных русских белогвардейцев и какие-то подозрительные праздные личности с кристально чистым и доверчивым взглядом. Личности эти проявляли особое внимание ко всему окружающему; казалось, у них шевелились уши от напряженного желания услышать все то, что говорилось в толпе.

Белогвардейцы старались держать себя возможно более независимо и надменно, насколько это может удасться человеку в опорках и с опухшим от пьянства лицом. Они пытались вызвать экскурсантов на разговор, но ребята толь-

Теплоход "Абхазия".

- Рост фронт!.. Рот фронт!.. Рот фронт!..

ко перемигивались, слушая вызывающие оклики и замечания с берега

Наше внимание скоро привлекло другое зрелище. Вдали, за запертыми воротами таможни, собралась большая толпа немецких рабочих. Один из них проник на портовую территорию и даже — о. ужас! — прикурил папиросу у одного из ударников. Эта «трубка мира» обощлась немецкому товарищу дорого. Полицейские встрепенулись утверждая попранную законность, потащали «крамольника» к выходу.

входных ворот арестованный бережно вынул изо рта папиросу, зараженную красным большевистским огнем. Он сжал ее в кулаке и поднял руку вверх.

- Рот фронт! — донесся к нам громкий возглас.

Полицейские схватили рабочего под руки и бегом поволокли его к выходу.

3 200 000

«Абхазия» идет Кильским каналом. Громкие песни ударников дразнят сонный покой разбросанных по берегам канала кокетливых буржуазных вилл.

Неожиданное свидание - навстречу нам идут советские теплоходы «Каменец-Подольск» и «Феликс Дзержинский». На «Абхазии» взрывается ликующее «ура», и вихрь приветствий несется к таким родным и близким в этой чужой стране товарищам.

Вскоре виллы начинают редеть, их сменяет роща, потом густой лес вырастает вдоль канала, купая в его спокойных водах свое отражение. На берег все чаще и чаще выходят группы рабочих. Какими путями дошла до них весть о нашем прибытии? Они кричат нам приветствия, мы отвечаем как можем кто по-немецки, а кто самой выразительной мимикой.

Вечером на моторной шлюпке нас догоняют трое немецких товарищей. Мы берем их на борт и устраиваем торжественную встречу. Один из них, тов. Ч., видный профессиональный работник, рассказывает нам за ужином о положении рабочего класса в Германии.

— Ужасающая безработица, — говорит он взволнованно. — Безработных насчитывается 3 200 000 человек. Страна переживает острый промышленный и

сельскохозяйственный кризис. Капиталисты думают отыграться обычным ко-- они снижают зарплату. Незырем давно была снижена на 8 процентов зарплата металлистам.

Каждый третий голос за советскую власть в Германии - вот ответ рабочего класса империалистам на недавних выборах в рейхстаг.

РОТ ФРОНТ!

Утром следующего дня «Абха бросила якорь в гавани Гамбурга. «Абхазия»

Вскоре после завтрака теплоход окружил рой служебных катеров и шлюпок, и на палубу один за другим стали высаживаться немецкие чиновники и полицейские. Началась церемония проверки документов у желающих высадиться на берег. На палубе отгородили брезентом место, куда допускались прошедшие полицейскую «чистку» товарищи. В ожидании спуска на берег они живой изгородью облепили борт теплохода, глазея на берег.

Весть о прибытии корабля ударников передается словно по телеграфу. Жизнь на берегу утратила свой будничный

Человек виновато разводил руками и указывал на свою нарукавную повязку.

трудовой темп, рабочие собирались в группы, все замерло, словно в ожидании грозы. Под огромным береговым краном хлопотливой наседкой суетился толстый десятник с серебряной целочкой через весь живот. Тщетно пытаясь собрать поминутно пытавшихся улизнуть рабочих, он сердито кричал что-то и тыкал пальцем в записную книжку. Наконец ему удалось восстановить порядок. Тогда из середины толпы вышел молодой худощавый рабочий. Он повернулся лицом к теплоходу, вытянул руку со сжатым кулаком вверх и громко крикнул:

Рот фронт!

И вся бригада, грозно сжимая кулаки, дружно повторила за ним троекратное:
— Рот фронт! Рот фронт! Рот фронт!

На этом демонстрация пролетарской солидарности оборвалась. Конец обычный - десяток словно выросших из-под земли шуцманов, которые оттеснили демонстрантов к выходу.

О, как сжимались у нас кулаки, когда мы — бессильные и негодующие — глядели на это зрелище!..

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СОРВАЛ ПОВЯЗКУ

Здесь, в Гамбургском порту, разыгрался финал странной истории, которая началась еще в Ленинграде, во время посадки. Произошло вот что.

контрольной будки, пропускавшей ударников на теплоход, неожиданно создался затор. Длинная очередь рабочих с чемоданами, корзинами и свертками в руках застыла на месте, задние нажали на передних, и в том месте, где двое военных проверяли документы, образовалась пробка из человеческих тел. Ударники весело галдели и перебранивались, кто-то присел на корточки и ныряя между чужими ногами, настойчиво ловил укатившееся яблоко. Задние вставали на цыпочки, пытаясь узнать причину задержки. Передние, сдерживая натиск товарищей, шутливо отругивались.

В центре толпы, перед военными стоял улыбающийся молодой человек с заячьей губой. Он виновато разводил руками, непрерывно что-то говорил и настойчиво указывал пальцем на свою красную нарукавную повязку. Я протискался поближе. Военные переглядывались, слушая человека с заячьей губой. Донесся его голос:

— Да откуда же я возьму документы? Все бумаги в чемодане, а чемодан на «Абхазии». Я только сейчас на минутку выходил на берег опустить письмо. Как же быть, товарищи?..

В толпе раздались нетерпеливые возгласы. Военные еще раз переглянулись.

- Кажется был такой,— сказал один из них не совсем уверенно. Потом шепнул что-то на ухо товарищу.

Тот подумал и махнул рукой:

Ну, кати!...

Очередь дрогнула и снова потекла пестрой шумной и радостной толпой.

В общей каюте служебного персонала горячка и спешка. Здесь помещаются рабочие—плотники, водопроводчики, слесаря, готовившие «Абхазию» в дальний путь. Сегодня они вбили последние болты, завинтили последние гайки, Завтра теплоход может отдать швартовы. Впереди — Гамбург, Неаполь, Константинополь, Одесса.

Полицейские потащили "крамольника" к выходу.

Рабочие уже получили расчет, они весело укладывают в котомки и сундуки барахлишко, бережно увязывают инструмент.

В каюту входит человек с заячьей губой. Он останавливается у входа, нерешительно вертит в руках крошечный чемоданчик. Потом делает шаг вперед.

 Товарищи, меня поселили в этой каюте, заявляет он, смешно оттопыривая заячью губу. Можно?

— Отчего же,— добродушно откли-кается какой-то бородач.— Фатера свободная, выбирай любую койку. Сегодня съезжаем!

Человек с заячьей губой удовлетворенно улыбнулся и, сунув под одну из коек чемоданчик, направился к выходу. В полуосвещенном коридоре он быстро оглянулся по сторонам, сорвал красную повязку и сунул ее в карман.

РАЗОБЛАЧЕННЫЙ ЗАЯЦ

В девять вечера прозвучал гонг к ужину. Человек с заячьей губой отправился в столовую и занял место за столом. Здесь он познакомился с соседями.

– Моя фамилия Рабцевич, -- сказал он, оттопыривая заячью губу.— Я из Нижнего-Новгорода, — добавил он, хотя никто из собеседников насчет его происхождения не любопытствовал. Моя профессия — рабочий-химик, — докончил Рабцевич настойчиво.

В конце стола кто-то шумно обрадо-

– Нижегородский? Браток, вали сюесть о чем поговорить!

Рабцевич, беспрерывно улыбаясь, поднялся со стула.

 Сейчас, сказал он, глядя куда-то в сторону.
 Вот только за папиросками слетаю

Он вышел из столовой и больше туда не возвращался.

Очень скоро выяснилось, что Рабцевич страдает неудержимым, лочти болезненным любопытством. Его интересовало решительно все: московские цены, производительность заводов, их продукция. Отпускных красноармейцев он одолевал военными вопросами, а бригадиров, побывавших в колхозах, жадно расспрашивал о настроении крестьянства и о том, как протекали хлебозаготовки. Уборщица жаловалась:

- Малахольный парень. Вьюном вертится, песен не поет, ко всем пристает. потом сядет в уголке и пишет

- Корреспондент, - высказал догадку кто-то из присутствующих.

— Должно быть корреспондент, — охотно согласилась уборщица. — Но только задумчивый — ужасти!

По судовым спискам на «Абхазии» числилось 257 пассажиров. Между тем кладовая отпустила не 257 комплектов постельных принадлежностей, а 258. На один комплект больше против списков.

На теплоходе кто-то ехал зайцем.

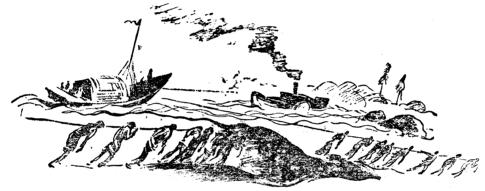
Кто был этот заяц? Двусмысленное поведение Рабцевича сразу всплыло у всех в памяти. Припомнили его назойливое, почти истерическое любопытство, странные подробности его появления на теплоходе и многое другое, что прежде казалось простым чудачеством.

Рабцевича арестовали.

На допросе он назвался уже... учителем. Объяснил, что проник на теплоход с целью «попутешествовать» Свои впечатления от поездки этот «любознательный педагог» излагает в дневнике

«Советские сволочи чувствуют себя на «Абхазии» мещанами...»

В Гамбурге этого скептика сдали на пароход «Чичерин», который шел обратным рейсом в Ленинград.

Очерк Ал. Смирнова-Сибирского

Рисунки П. Староносова

1. ЛЕСНОЕ «РАДИО»

Тунгус Николка собрался в тайгу промышлять белок. Вычистил ружье, собрал мешок, а затем присел в юрте к костру, чтобы помочь семье расправиться с вареной олениной. Объемистый котел был уже наполовину пуст, когда лай собак возвестил о приходе постороннего.

Это был Ленгам, молодой охотник из соседнего стойбища. Собравшись также на промысел, он шел мимо и решил навестить своего соседа.

- Здорово, — проговорил он, лезая в чум через узкое отверстие.

 Здорово, здорово, — ему Николка. — Нашел ли ты своих оленей?

– Нашел, будь они неладны. Под самый буркан ушли.

– Далеко. Ну садись. Что слышно в лесу?

– Слышно кое-что, — показал Ленгам белые зубы. - Нынче в тайге много разговоров.

- Ну? Вот это ладно. Ешь мясо и рассказывай.

Ленгам потянул из котла кусок и с хрустом разгрызая сухожилие, стал выкладывать лесные новости: на гольцах недавно подстрелили черную лисицу, богач Гермогешка собирается брать третью жену, а в долине Маккиты появились волки — несколько дней назад они задушили у Егорки трех оленей.

- Это худо, — заметил хозяин при последнем сообщении. — Надо поближе держать оленей. А что слышал еще? - Еще слышал, что русские хотят

ставить в тайге город.

 Город? — недоверчиво протянул Николка. — Может быть такую же факторию, какую они поставили у Большого порога?

— Не факторию, а целый город. Вроде Туруханска. Вот смотри, — Ленгам захватил зубами кусок и вытянул вперед руки, - в нем будет деревянных чумов больше, чем пальцев на моих руках.

 Вот это диво, — покачал головой Николка. — Кто тебе говорил об этом? - Илья Игрушка. Он был на факто-

рии и слышал от русского большевика. — Кто же будет жить в этом городе?

- Русские шаманы. Много шаманов. Одни будут лечить больных людей, другие выгонять из оленей царапку, третьи научат наших ребят книжки.

— Диво, диво, — побежало от одного к другому. — Это шибко большая новость, если только Илька не врет.

— Нечего ему врать, — тряхнул го-ловой Ленгам. — И будет это скоро.

— Даже скоро? — Скоро, так говорили на фактории. Вот соберется суглан, и большевики скажут об этом аванькам.

Час спустя охотники отправились в лес, каждый в свою сторону, и таежное «радио» заработало. Слух о городе, который задумали строить в тайге «большевики», полетел от охотника к охотнику, из чума в чум. Через некоторое время об этом стали говорить в самых глухих и отдаленных стойбищах.

2. ДЕРЗКИЙ ПЛАН

Место для культурной базы было выбрано на Нижней Тунгуске, при впадении в нее реки Кочечумо.

Но как осуществить постройку? Нижняя Тунгуска не судоходна, и на ней нет даже строительного леса. Туда надо везти все, начиная от доски и кончая гвозлем.

В Комитет Севера было подано два варианта.

Первый был изложен на очень хорошей плотной бумаге, изобиловал чертежами и цифровыми выкладками, а второй имел более скромный вид — лист писчей бумаги № 7, Автором первого проекта был человек, носивший на фуражке инженерский значок. Фуражку автора второго варианта никакие значки не украшали, зато длинные ноги этого человека не раз меряли тунгусскую тайгу вдоль и поперек. Фамилия его была Суслов.

Первый вариант:

«Здания тунгусской культбазы возвести в черновом виде в районе Красноярска, отсюда разобранными отправить на пароходах и баржах в Туруханск и дальше к месту постройки. Для прохода судов по Нижней Тунгуске произвести ряд работ: углубить фарватер. расчистить шиверу, взорвать пороги. Культбаза может быть открыта самое раннее в 1930 году».

Вариант Суслова:

«Заготовку зданий произвести в верховьях Нижней Тунгуски, в районе города Киренска, где имеется прекрасный строевой кедр. Заготовленный материал связать в плоты, погрузить на них все оборудование культбазы и сплавить вниз к устью Кочечумо. Если сплав произвести весной следующего года, то к осени тунгусский городок будет готов».

– Это безуми**е,** – сказал инженер, ознакомившись с этим проектом. Тунгуска совершенно непригодна для такой операции. От плотов останутся одни шепки.

– Река бешеная, это правда, — заметил на это Суслов, — но... без риска кажется не было выиграно ни одно сражение! А люди для моих плотов найдутся...

За это дело взялась киренская артель плотников из 42 человек; работы начались весной 1927 года и велись большевистским темпом. Осенью тунгусская столица вчерне была готова, а следующей весной, когда в тайге забурлили вешние воды, стали готовиться в опасный путь.

Связать плоты так, чтобы они выдержали путешествие в полторы тысячи километров, через пороги и подводные камни, — сложная и ответственная работа. От этого зависел успех всего предприятия. На плоты погрузили мелкий строительный материал, оборудование культбазы, запас провианта для рабочих, шесть лошадей, десять коров и корзину с курами. Река бурлит, и под ее напором плоты дрожат. как нетерпеливые кони. Но вот на мачте взвивается красный флаг, падают причалы, и река подхватывает первый плот. Открылась первая страница таежной эпопеи.

3. СКВОЗЬ ТАЙГУ НА ПЛОТАХ

Достаточно взглянуть на карту, чтобы представить себе характер Нижней Тунгуски.

Ее течение похоже на след затравленного зверя, когда он, в поисках спасения, мечется из стороны в сторону. Она меняет свое направление почти через каждый километр. То струит свои воды по пади, то кидается на каменные преграды, разрывая их глубокими ущельями, то вдруг, вырвавшись из тисков, устремляется в долины и разливается тут широкими плесами.

Караван плотов неуклонно подвигался к своей цели. Бурное течение загоняло плоты в протоки, трепало на порогах, било о скалы, а когда останавливались на ночевки, срывало с причалов и уносило вперед. Течение было таким стремительным, что, когда плоты привязывали к столетним лиственницам, деревья вырывало с корнем.

Вода была большая, и это давало возможность сравнительно легко проходить через шиверу и пороги, но зато было много хлопот, когда плоты заносило из главного русла в боковые протоки. На одном из таких рукавов дело едва не кончилось катастрофой.

Этот рукав сначала приняли за главное русло, а когда спохватились, было уже поздно: передний плот втиснулся в узкий проход и застрял. На него полезли задние. Течение тут было бешеное, остановить плоты было невозможно. Между тем вода продолжала напирать и скоро пошла через бревна. Надо было спасать груз.

Вот всплыла корзина с курами, и перепуганные птицы завопили о помощи. но в этот момент было не до них. Взялись за лошадей, коров и другое имущество. Несчастных кур подхватило течением и швырнуло в водоворот.

Катастрофа произошла вечером, когда уже начинало темнеть, и это страшно осложнило положение. Работа продолжалась всю ночь и весь следующий день. Наконец плоты были разгружены. Дальше оставалось одно: разбить плоты, перетаскать бревна на другую сторону предательской щели и тут вязать их снова. Это заняло пять дней.

Между тем наступало лето. На вершинах гор поблескивали еще кое-где пятна нерастаявшего снега, но тайга уже давно залилась зеленью. Сначала распушили свои почки мелкие кустарники, потом брызнули нежным изумрудом северные березки, за ними выбросила свои иглы лиственница. На каменистых склонах, среди мхов и лишай. ников, запестрели скромные приполярные цветы, а весенние хороводы перелетных птиц сменились нудным жуж-

ти на горизонте за широким плесом обрисовалась тупоголовая вершина горы Чувакан, у подножья которой Кочечумо обнимается с Тунгуской. Как себя чувствовал бы инженер, автор первого варианта, если бы находился в этот момент здесь? Предсказав Суслову, что от его плотов останутся одни щепки, он оказался плохим пророком.

Дерзкий план был выполнен. Из строительного материала было потеряно лишь несколько бревен.

4. ТАЙГА НА СТРОЙКЕ

Опять заработало лесное «радио»: руские пришли в устье Кочечумо и приступили к постройке таежного города.

Смотреть невиданное дело потянулись из самых отдаленных кочевий, из самых глухих углов. Тысячелетия стоит тайга, а ничего подобного в ней не было. Тунгусы дивились, качали лохматыми головами, засыпали строителей вопросами.

- Это для чего чум?
- Тут вас лечить будут.
- Это школа.
- Тут что будет?
- Царапкина смерть. Ветеринарный
  - Хорошо, шибко хорошо...

Ухали топоры, скрежетали пилы, и деревянные чумы росли, как грибы после дождя. Река однако часто капризничала. Она то мелела, оскаливая зубья каменистого дна, то вдруг набухала, как квашня с тестом. Тогда строителям приходилось туго - надо было спа-

Застрял передний плот, на него полегли остальные.

сать от наводнений строительные материалы. Но по-настоящему она показала себя тому отряду, который в это время формировался в Красноярске для окончательного покорения тайги.

5. НОВЫЙ ПОХОД

В этот отряд входили «шаманы»: учителя, врачи, фельдшера, сестры милосердия, радист и остальной персонат культбазы. Советская машина работальточно: с последним ударом топора в устье Кочечумо культбаза должна была открыть свои действия.

От Туруханска до Кочечумо тысяча километров. Путь только рекой. Сотни километров по Тунгуске удалось пройти на пароходе, затем пересели на илимки. Илимок было пять, их тащили два катера. Весь отряд состоял из де-

вяноста человек, в том числе несколько женщин и детей. На лодку приходилось по 18 человек и по 7 тонн груза.

Продвижение поэтому совершалось очень медленно, а была уже середина августа. Успеют ли добраться до культбазы до наступления вимы? Женщинам и детям она грозила многими бедами.

Пошли. До Большого порога особых приключений не было. Но вот через реку перекинулась водяная гора, причесанная белой гривой. Один катер налетел на камень и выбыл из строя, а второй оказался не в силах поднять тяжело нагруженные лодки на перекат К стальному тросу приделали канаты, к ним лямки, в лямки впрягся весь состар экспедиции, не исключая женщин. Напрягая все силы, люди помогали катеру справиться с рекой, но та не собиралась сдаваться. Вот илимка начинает

вползать на кипящий гребень, но в следующую минуту ее вместе с катером и людьми оттаскивает назад. Новые усилия — новая неудача, и так до трех раз. Наконец барьер взят: илимка прошла через порог.

Люди в изнеможении падали на землю. Со второй илимкой они бились несколько часов, а когда подвели к порогу третью, лопнул трос. Освободившись от тяжести, катер сделал скачок вперед. Люди полетели на камни, разбиваясь до крови. Катер круто повернул и помчался за сорвавшейся илимкой, — и в это время душераздирающий крик покрыл рев воды.

Это сорвало с причалов уже переправленную через порог илимку с женщинами и детьми...

Все ожидали трагической развязки. Вот лодка с людьми вскочила на пере-

кат и стремительно полетела в водоворот. За ней, пренебрегая собственной безопасностью, помчался катер.

Счастливая случайность! Илимка и катер благополучно проскочили через порог, не налетев на камни, но внизу лодку стало захлестывать. Катер подошел к ней в. тот момент, когда она уже готова была погрузиться на дно.

После этого встал вопрос о том, не целесообразнее ли женщинам с детьми отказаться от дальнейшего путешествия и вернуться с несколькими рабочими назад. Путь был еще далек, начинались дожди, наступали холода. Но женщины отказались возвращаться.

Некоторое время спустя начались заболевания.

Сначала слегло несколько женщин и детей, потом свалилось трое мужчин. Трясясь в ознобе, лежали на тюках и

ящиках, под дождем, на пронизывающем осеннем ветре. Нельзя было даже обсушиться: дожди шли безостановочно, днем и ночью. И все-таки, как ни торопились, а убежать от зимы не удалось. В начале октября река стала.

Жутко стало даже тем, кто не впервые имел дело с Севером. До культбазы оставалось еще полторы сотни километров, а тут морозы, пурга, больные, женщины, дети. Сделали носилки, положили на них больных — и пошли. А двадцать дней спустя тунгус Никол-ка сидел в своем чуме и, показывая жене забинтованную марлей руку, говорил, улыбаясь:

— Вот болела, а как разрезали—сразу стало легче...

Персонал культбазы пробился через тайгу и приступил к исполнению своих обязанностей.

Так вырос город в тайге. В нем сосредоточены: туземный рик, туземный кооператив, Дом туземца, больница с амбулаторией, ветеринарный и зоотехнический пункты, школа-интернат, показательные ремесленые мастерские, показательный питомник пушных зверей, краеведческий пункт и научная лаборатория. Имеются также и «умные палки» — так тунгусы называют радиомачты. Летом сюда приезжает кино.

Север суров. Его обширные леса и тундры требуют для своего освоения величайшего напряжения и подчас жертв — они есть в истории тунгусской культбазы. Но это не может остановить движения колес истории. В тунгусской школе на берегах Кочечумо алеет плакат с надписью:

«Ленин умер, но дело его живет».

Рассказ Ник. Шпанова

Рисунки К. Кузнецова

1

Господин Энгель подошел к широкому окну и, потянув за шнурок, задернул штору. Он тщательно расправил сладми тяжелого бархата, чтобы они плотно сходились и не пропускали света из комнаты. Господин Энгель любил делать это сам, он не доверял даже тщательности фрекен Хильмы, хотя уход за квартирой осуществлялся старой фрекен со щепетильностью, ограждающей господина Энгель от малейшего нарушения его привычек.

Вся остальная прислуга В доме господина Энгель была русской и поиходящей. оставалась Ha ночь только старая финнка. Он не русскую нужным посвящать считал прислугу в некоторые детали своей жизни и в частности вовсе не был расположен осведомлять ее о лицах, частенько после захода солнца заглядывавших в особняк на Елагином острове.

Господин Энгель был совершенно спокоен, что никому не придет в голову усумниться в подлинности его паспорта, выданного министерством иностранных дел величайшей из великих держав, и никто не станет смешивать иностранного представителя крупнейшей автомобильной фирмы с российской императорской гвардии полковником Энгельгардтом. Даже наружность полковника Энгельгардта, став наружностью господина Энгель, как-будто изменила свои основные черты. Вместо белых пушистых светлых усов - объект лютой зависти полковой молодежи, под твердыми узкими крыльями носа четко обрисовывались теперь сухие плотно сжатые губы. И никто бы не сказал, что на гладко выбритой розовой голове автомобильного коммерсанта когла-то красовался правильный, по линеечке припомаженный пробор. Ну а прежняя твердая поступь и неискоренимая привычка держать прямо и твердо худой корпус это не беда. Всем известна выправка и тренированность спортсмена. Но все же осторожность остается осторожностью. Несмотря на то, что господин Энгель никогда не употреблял теперь языка страны, в которой жил, он предпочитал, чтобы около него было как можно меньше ушей.

Покончив со шторой, господин Энгель вернулся к большому письменному сто-

лу. Мимоходом взглянул на циферблат больших часов, мягко отзванивавших столетними шестернями каждое движение маятника. Обе стрелки стояли на цифре десять.

— Хм, он, как всегда, опаздывает. Удввительно неаккуратный человек.

В этот момент взгляд господина Энгеля упал на письменный стол. Вытянувшись около чернильницы, средневековый бронзовый страж высоко поднимал оплетенный проволокой куб фонаря. Куб мягко засветился на несколько секуна и снова погас. Одновременно гдето в глубине дома едва слышно протрещал звонок. Господин Энгель подошел к двери и предупредительно повернул защелку американского замка. После этого он быстро отошел в угол комнаты, где под широким затененным абажуром, около круглого курительного стола широко и массивно раскинулись тяжелые кожаные кресла. Господин Энгель непринужденно развалился в одном из них, высоко закинув на колено костлявую ногу.

В дверь нерешительно постучали.

— Войдите.

В комнату, торопливо семеня и откидывая на ходу левую ногу, вошел маленький сухонький старичок. За ним не уверенно двигался человек среднего роста в форме морского летчика. Его можно было бы назвать совсем молодым, если бы не сутуло согнутая спина и необычайная вялость во всех движениях. Он производил впечатление не то преждевременно состарившегося, не то больного. Пока летчик медленно шел от двери к курительному столику, около которого старичок уже усиленно жал руку привставшему Энгель, последний внимательно оглядывал моряка. Заметив этот взгляд, старичок стремительно обернулся к своему спутнику и представил его хозяину.

— Господин Клот, морской летчик... Когда-то, хе-хе, лейтенант, а теперь «морлет»... хе-хе... Так кажетоя у них говорится...

Энгель встал совсем и нарочито сурово и деловито проговорил по-английски, протянув руку Клоту:

— Рад. Много слышал о вашем искусстве и о вашем знании Севера. Нам нужны знающие и преданные люди.

Клот молча потирал руки и неловко улыбался. Его фигура казалась еще более сутулой и слабой рядом с прямым и крепким Энгель. Платье сидело на Клоте мешком. Тужурка была слишком широка. Брюки обвисали на коленях бесформенными мешками.

Оглядывая украдкой всю фигуру Клота, Энгель едва заметно кривил тонкие

губы.

Тем временем старичок, приведший Клота, удобно уселся в кресло. Его лысоватая головка приходилась почти на уровне стола, уставленного коричневыми сигарными ящиками. Косой свет из-под абажура играл тонким неуверенным обликом на засаленном краешке воротника стариковского кителя. Выцветший желтый защитный китель был когда-то форменным. Теперь пуговицы его были тщательно обшиты суконочками. На плечах, где горели раньше погоны, остались темные полосы.

Старичок как бы невзначай перебрал на столе сигарные коробки и, остановившись на одной из них, ловко приготовил себе тонкую светлую сигару. Он вскинул головку в сторону господина Энгель.

— У вас всегда такие изумительные сигары, мистер Энгель. Я, хе-хе... давно уже забыл, что такое хорошая сигара...

Энгель точно только сейчас вспомнил о присутствии старичка.

— Ваше превосходительство, вы знае те мой принцип—с глазу на глаз. Про шу не обессудить.

Он нажал звонок и, не оборачиваясь, бросил вошедшей старухе:

— Проводите в библиотеку.

Дверь мягко защелкнулась за вышедшим старичком. Хозяин встал и принялся ходить большими жесткими шагами наискосок через весь кабинет. Клот молча сидел около письменного стола, устало опустив плечи. Наконец Энгель остановился против Клота.

— Итак, я полагаю, что вам известна цель нашего свидания. Вы конечно понимаете, что такими вещами, о которых мы с вами сейчас будем говорить, не шутят... Господин Клот, если вы сомневаетесь в себе, прошу вас объясниться запанее.

Клот покачал головой:

— О нет, я вполне уверен в себе и вообше...

Он не договорил и махнул рукой, как бы считая всякие объяснения со своей стороны излишними. Снова заговорил

Энгель. Он говорил долго и монотонно, методически излагая Клоту план предприятия. Время от времени Клот согласно кивал головой. Изредка он нерешительно поднимал палец и, остановив господина Энгеля, вставлял замечание или возражение.

Энгель перестал ходить и, сев за письменный стол, выдвинул средний ящик. Тонкими крепкими пальцами он вытащил и положил перед Клотом пачку узких зеленых бумажек с портретами бородатого мужчины.

— Заканчивая, господин Клот, мне остается только еще раз вкратце формулировать все, что было сказано: возможно большее число судов должно остаться во льду. Нужно сделать это на об-

ны изредка пробегали дрожащие блики от фонарей буксиров. Их зеленые и красные бортовые огни озабоченно перемигивались, ускользая в сторону Соломбалы, громоздящейся над водой беспорядочным лесом мачт.

Еыло почти 24 часа, когда Клот увидел на горизонте слабые блики редких архангельских огней. К полуночи под самолетом уже изогнулась двойным коленом Кузнечиха. Клот размерил издавна знакомые ему расстояния и толкнул от себя штурвал, ведя машину на посадку. Однако в полумраке глазомер обманул и, почти уже коснувшись воды, клот увидел, что для пробега места ему впереди не осталось. Он резко взял штурвал на себя и дал газ на все сек-

согору редким бисером огней Архангельску.

Стоявший на руле повернулся к Клоту:
— Где приставать будем — против гостиницы?

— Нет-нет, нельзя ли выбросить меня у порта, мне нужно зайти на телеграф. А сами приставайте потом на Театральной.

-- Зачем же вам беспокоиться, дазайте телеграмму, мне домой как раз мимо телеграфа итти — заброшу, — предложил рулевой.

— Нет, ничего, не нужно. Я сам, — поспешно ответил Клот.

Слева на высоком откосе берега показалась белая башня портового управления. Под нею, у каменной стенки набережной, засерели бревна пристани.

Когда Клот выскочил из катера, бортмеханик Карп сделал движение последовать за ним. Клот заметил его движение.

— Вы куда?

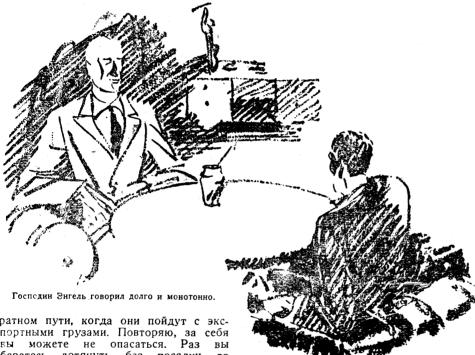
А с вами, на телеграф.

— Ни к чему, идите спать. Если вам нужно отправить телеграмму, давайте я сделаю.

— Ну ладно, пожалуй правда лучше будет скорее в койку, — охотно сказал Карп.

Клот махнул рукой, и катер отвалил. Вскоре стук его мотора потерялся вдали, заглушенный шорохами ночной реки.

Стал накрапывать дождь. Клот поднял воротник кожаного пальто и стал быстро подниматься на берег. Вдруг он вздрогнул: от стены портового управления отделилась темная фигура с торчащим из-за спины острием штыка. Фигура сделала несколько шагов наперерез Клоту. У летчика часто застучало в висках; мозг прорезала острая короткая мысль: «Уже?» Сквозь сетку дождя он ясно различил красноармейца, быстро идущего ему наперерез, и остановился. За несколько мгновений, понадобившихся красноармейцу для того чтобы подойти, в голове Клота пронеслась

ратном пути, когда они пойдут с экспортными грузами. Повторяю, за себя вы можете не опасаться. Раз вы беретесь дотянуть без посадки до Варде — я обеспечиваю вам в этом пункте вполне надежный прием у нашего консула. У него вы получите необходимые документы и средства для поездки к вашей семье. Можете быть совершенно покойны за то, что вашу жену мы перевезем за границу без лишнего шума. Сезон курортный, и никому не придет в голову интересоваться ее временным отсутствием. Ну-с, а когда хватятся, вы уже будете вместе и в полной безопасности. Поверьте мне, я не хуже вас знаю, что за публика эти большевики, и представляю себе, как нужно делать дела.

Господин Энгель подвинул Клоту пачку зеленых кредиток.

— Это на расходы, которые у вас могут быть в связи с экспедицией. Клот покраснел. Его рука заметно

Клот покраснел. Его рука заметно дрожала, когда он нерешительно взял и сунул пачку в карман.

Господин Энгель нажал кнопку звонка. Клот неловко оправлял неуклюжие складки своей мешковатой одежды.

2

Архангельск мирно спал, окутанный дождливым полумраком северной ночи. Покосившиеся скамейки у памятника жертвам интервенции давно опустели.

Архангельск спал, закутанный ночью, не нарушаемой назойливым светом уличных фонарей. Их не было вовсе. Света в окнах домов тоже почти не было видно. Лишь по широкой серой ряби Дви-

тора. Мащина взвыла моторами и резко повернула вверх. Из кабинки высунулись всполошенные физиономии механика и навигатора. Но черев минуту Клот снова нашел нужное ему колено реки и уверенно пошел вниз. Загромыхало дуралюминиевое днище. Лодка вспенила темную воду мирно спящей реки.

От берега отвалил моторный катер. Он мягко ткнулся кранцами в зазвеневший от удара борт самолета

— Здорово, товарищи. С прилетом. Как дела?

Клот сунул снятый шлем в карман.
— Спасибо, все в порядке. Механики

с вами?
— Есть, товарищ начальник, — послышались с катера молодые голоса.

— Ну, ребята, принимайтесь за машину. А мы все спать.

— Товарищ Клот, неужели не задержитесь на денек?

— Некогда, товарищи, работа не ждет. Небось ледокол уже у Юшара... Кстати, как дела с заброской горючего? «Зверолов» уже зашел на Колгуев?

До сих пор нет от него никаких известий.

— Это плохо, — задумчиво проговорил Клот. — Ну да ладно, утро вечера мудренее. Айда на берег, ребята.

Экипаж самолета перешел на катер. На машине остались только запасные механики.

Постукивая мотором, катер быстро приближался к рассыпавшемуся по ко-

Наперерез ему быстро шел красноармеец.

На высоком откосе берега показалась белая башня портового управления.

вереница быстрых сбивчивых мыслей. Заложенные в карманы пальто руки нервно сжимались и разжимались.

Красноармеец остановился против Клота и неуверенно произнес:

Гражданин, одолжите спичку.

Эти обыкновенные слова не сразу проникли в сознание Клота. Красноармейцу пришлось повторить:

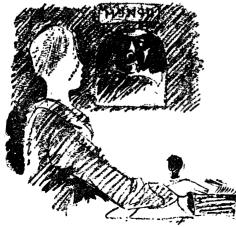
- Гражданин, а гражданин. Спичку

прошу, ай не понял?

Дрожащими руками Клот нащупал в кармане коробок и протянул красно-армейцу. Пока тот закуривал, пряча спичку от дождя в рукав шинели, Клот быстро пошел к городу.

Эй, гражданин, спички-то возьми. Но Клот уже не слыхал. Сжав губы, он быстро шагал к белеющему сквозь пелену дождя зданию почты.

По гулким железным ступеням с отполированными до блеска краями он быстро вбежал на второй этаж. Дежурная телеграфистка клевала носом над

Телеграфистка вынула депешу.

затрепанной книжкой и вздрогнула от нервного вопроса:

- Нет ли телеграммы до востребования на мое имя?

— А как ваша фамилия? — Ах да... Чекалов, — уверенно произнес Клот.

Порывшись в затянутом желеэной сеткой шкапике, телеграфистка вынула депешу.

— Как фамилия-то?

— Чекалов.

- Ну, значит это не вам, тут Чакалову.

- Это мне.

— Вы же сказали Чекалов.

 Это вам показалось, товарищ. Я сказал именно Чакалов, - уверенно произнес Клот.

— Ваш документ.

 Вот пожалуйста. — Клот протянул окошечко профсоюзную книжку.

Телеграфистка мельком взглянула на фамилию и выдала депешу. Попрежнему пряча в воротник лицо и избегая взгляда телеграфистки, Клот вышел.

Только на улице, под слабым светом номерного домового фонаря, он раскрыл телеграмму и с трудом разобрал расплывающиеся в глазах строки:

«Тося телеграфировала благополучном приезде курорт все спокойно Энгель».

Клот несколько раз прочел телеграмму, стараясь хорошенько запомнить ее текст, и быстро вышел из-под света фонаря. Стук его сапог по доскам тротуара гулко разносился по проспекту. У **ДЛИННОГО** темного забора какой-то стройки летчик приостановился и, старательно разорвав листок телеграммы, просунул клочки сквозь щель тротуара. За телеграммой последовал только что предъявленный на телеграфе профсоюзный билет...

(Продолжение в след. номере)

ЧЕРЕЗ АТЛАНТИКУ В 6 ЧАСОВ

В Германии строится аэроплан, который сможет перелететь через Атлантику в течение 6 часов.

Аэроплан новой конструкции сможет подняться на высоту 12 000 метров, где разовьет скорость 750 км. На подобной высоте такая скорость вполне возможна при затрате одинакового количества энергии благодаря уменьшению воздушного сопротивления.

Чтобы предохранить машинное масло **от** замерзания, моторы буду**т** иску**с**ственно обогреваться.

ПЛОВУЧАЯ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ

Гамбургское пароходное общество оборудовало на одном из своих пароходов пловучую аэронавигационную станцию. Станция будет выпускать ежедневно несколько воздушных шаров. и авионавигаторы будут следить за их полетом при помощи особых измерительных приборов. Воздушные шары, которые поднимутся на высоту 16 000 метров, дадут возможность изучить антипассатные воздушные течения, господствующие на высоте нескольких тысяч метров.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ВУЛКАНЫ ВО ЛЬДАХ

Недавно вернувшийся из экспедиции по Аляске доктор Губбарт открыл два вулкана, покрытых свежими наслоениями льда. Оказалось, что эти вулканы --Аньякхак и Веньяминов — давно уже занесены на карту Аляски как потухшие. Экспедиция тщательно исследовала оба вулкана и внутри кратера Веньяминова нашла большой ледник, из центра которого поднимается недавно образовавшийся конус.

ГОРНЫЙ НАЛЕТ

Рассказ Е. Б.

(По повести Беннета Доти «Легион отверженных»)

На заре отряд тронулся в путь. В авангарде скакали на нервных арабских конях спаги. Как паруса, раздувались на ветру их бурнусы. Под тюрбанами смуглые, словно просмоленные лица сверкали оскалами зубов. За спагами браво маршировали чернокожие рослые сенегальцы в красных шапках, и наконец шли мы, легионеры 1. Позади громыхала артиллерия, и, тяжело колыхаясь, шли верблюды, у каждого на горбе — два боченка с водой.

Мы крупно шагали по каменистой горо́атой дороге, поеживаясь от утреннего холода: в горах Сирии в жаркое время года нередко по ночам выпадает

иней.

Желудок жаловался на пустоту нудным ворчаньем, горло пересохло как лраный бурдюк. Вчера к ужину нам да-OII NE банке консервов — «сушеной обезьяны», ложку бобов да полкружки горячей тухлой воды. От постоянного недоедания и каторжной работы лица у стали зеленовато-пепельными --совсем как камни, щедро разбросанные под ногами. В провалах щек можно спрятать кулак, носы мертвецки заострились. Все мы обросли колючей щетиной, как дикие кабаны. Свежим сочным пятном выделялся лишь новобранец,

большеротый курносый юноша-поляк.
— Только и надежды, что на друзские стада, — сказал мой приятель, долговязый Гарвей. — Говорят, Карак — бога-

тая деревня.

А за что наложена на Карак контрибуция? — робко спросил новобранец.

Эх ты, синенький! 2 С луны что ли свалился?--насмешливо отозвался Пратцер, коренастый пышноусый немец.-Видишь ли, птенец, неделю назад воинский поезд, шедший на Дамаск, был обстрелян близ этой самой деревни друз-скими всадниками. Трое убитых, четверо раненых. А этим канальям хоть бы что! Скрылись в ущелье, как чорт в табакерку. А ущелье-то ведет как раз к деревне Карак. Вот генерал Гамлен и взъерепенился.

 Третьего дня,— добавил Гарвей, посылали парламентеров к канду³ Карака, и этот старый хрыч заявил, что и слухом не слыхал про обстрел поезда. •Не могу мол отвечать за всяких там разбойников. Видит Аллах, мы мирные

люди...»

трещотки, молчать вы. строю! - хрипло окрикнул поровнявшийся с нами квадратный сержант.

 Сам молчи, коли тебе нравится! огрызнулся Пратцер.— Когда подохнем, успеем намолчаться. Скоро всех нас уморите вашей тухлятиной!

Сержант отругнулся и спешно прошагал дальше: во время похода с голодными легионерами нет сладу.

Дорога лениво всползала на гору. Там и сям на ней чернели рваными ранами выкопанные друзами траншеи и ямы, задерживавшие наше продвижение. Мо-

сты всякий раз обследовались саперами: не минированы ли? Друзы отлично вооружены и неплохо владеют военной техникой.

Кровавое солнце взошло над утесистыми буро-лиловыми хребтами. Загорелись бронзой и ржавью каменные скаты, вспыхнули пурпуром мягкие конусы древних вулканов. Горы, горы... полчища, легионы гор. Словно островерхие боевые шатры друзов раскинулись они далеко за горизонт. Мы были в самом сердце Джебель-Друза. Вулканы давно потухли в этой стране, и бушует лишь человеческая лава непрестанных восстаний...

Все круче подъем. Сапоги выстукивают барабанную дробь по пыльным камням. Утренняя прохлада быстро сменяется сухой жарой.

Около десяти часов позади гнусаво прохрипело авто.

 Гамлен со своим адъютантом! проворчал, оборачиваясь, востроносый Малэн.—Выспались всласть в медафе 1 и нажрались всякой гастрономии, дьяволы! Хорошо, когда на плечах растут

эполеты!

 А вот и Карак, ребята! — Гарвей протянул направо руку-жердь.

На площадке, повисшей высоко над обрывом, горсткой плоских камней среди сгустков зелени рассыпались домики. Посреди минарет. Поселок **с**торожили грузные драконы средневековых башен и каменным поясом стягивала стена.

Настоящее орлиное гнездо!—выр-

валось у новобранца.

- Скоро увидишь, дружок, и орлов! — бросил, ухмыляясь, Гарвей.

Действительно, не прошло и получаса, как справа, с вершины хребта, гулко посыпались выстрелы. Среди изломанных утесов замелькали всадники в темных бурнусах. Пули, не долетая до нас, горохом отскакивали от камней. Мы открыли ответную пальбу, и через несколько минут друзы скрылись, словно проглоченные пропастью.

Но вот они снова вынырнули, на этот раз ниже и ближе. Залп хлестнул по сенегальцам. Стоны, кровь, смятение... Мы усиленно отстреливались, но разве попадешь в этих горных дьяволов? Скалы служили им крепостью.

Вскоре был дан приказ прекратить стрельбу: беречь снаряды. Затихли и друзы. Безмолвно конвоировали они нас, продвигаясь по верху вперед.

На каменных террасах все чаще стало появляться зеленое руно виноградников. Кое-где по уступам и по дну долин были разбросаны клочки возделанных полей, местами пышно зеленели пастбища. Друзы не только скотоводы, но и усердные земледельцы, и своими первобытными орудиями умудряются снимать со скудной каменистой почвы солидный урожай.

Не доходя полукилометра до Карака, колонна остановилась. Давно пора: мы задыхались от пыли, зноя, жажды и усталости. Ноги были сбиты в кровь.

Отряд спаги с веселым гиканьем поскакал в деревню вести переговоры о контрибуции (триста турецких фунтов!) с кандом и стариками.

Мы жадно глотали порцию теплой и мутной воды, курили трубки (табак был пожертвован «благодарным населением» Дамаска) и ругали Гамлена, распивавшего вино с офицерами в кружевной тени смоковницы. Его остробородое лицо грызуна было краснее бургонского и сочно раскатывался сытый смех.

- Эта проклятая крыса небось не полезет в огонь, ворчал португалец Мануэль, на нашей крови заработает себе новые побрякушки и будет отписывать Саррайлю 1 рапорты об одержанных им шикарных победах.

Кругом заключались пари: заплатит канд или нет? Закладывались трубки,

бидоны, даже порции воды.
— Что они там мешкают, эти спаги? Уж не изжарили ли их друзы живьем? Мы вот мечтаем об их баранах, а эти черти завтракают нашими товарища-ми,— мрачно шутил Пратцер.

Мы нехотя рассмеялись.

Прошло около часа. Нещадно палило полуденное солнце, выгоняя потом проглоченную воду. Легион гудел разговорами.

Наконец из-за поворота показались спаги. Не отвечая на наши окрики, они проскакали с рапортом к генералу. Тот выслушал, нахмурился и, выпрямившись в авто, бросил команду:

- Марш вперед!

Радостное ворчанье пробежало по рядам, ворчанье голодного зверя, почуявшего добычу. Колонна мигом построилась и бодро зашагала к деревне. Музыканты-сенегальцы грянули «Марсельезу». Насмешливое эхо передразнивало бравурные звуки, искажая их словно в кривом зеркале.

 Глядите, ребята, а каракцы-то удирают! - выкрикнул дальнозоркий Ма-

Из деревни извилистой лентой вверх по горным склонам потянулись иулы, лошади, верблюды. Женщины и дети покидали поселок, захватив спешно кое-какой скарб. Их сопровождали вооруженные всадники.

Когда мы вступали в Карак, из ветхих крепостных башен на нас посыпалась довольно жидкая маузерная стрельба. Наши митральезы живо заставили замолчать упрямых фанатиков.

— Ла илля иль алла!³— хрипло затухали их предсмертные крики.

Отряд спаги был брошен вперед, получив задание нагнать и уничтожить беглецов, не щадя ни женщин, ни детей. Нам выпало счастье занять деревню. На несколько часов она стала собственностью нашего отряда. Офицеры благоразумно стушевались, окружив говорливой кучкой автомобиль Гамлена.

В один миг роем термитов легионеры сенегальцы рассыпались по домам. Солдаты французской армии превратились в разбойников. С криками и гоготом взламывали они прикладами двери плоскокрыших глиняных домиков.

¹ В подавлении восстания арабского племени узов против французского империализма (1924-гг.) принимал участие пресловутый Иностранный

² Прозвище новобранцев в Иностранном легиене. в Староста.

¹ Дом для приезжих.

^{*} Военный губернатор.
² Нет бога кроме бога.

Началась оргия разрушения и грабежа. Работали с рвением пожарных. Звенели жалобно стекла, острыми брызгами вылетая из окон, трещала мебель под ударами сабель и сапог, с хрустом разбивались изящные узкогорлые сосуды, блеяли перепуганно овцы, истошно вопили мулы. И все это на фоне недалекой густой стрельбы, которая бешеным эхом шарахалась по ущелью. Там. на горных тропах исполняли свою кровавую работу спаги.

Кое-кто из легионеров и сенегальцев уже отведал сладкого и густого вина. Лица набухли кровью, обезумели глаза, на губах вскипала пена, бессвязные сиплые крики склубились в оглущительный звериный рев. Солдаты дрались из-за добычи, слово гиены над трупом верблюда в пустыне. Разноязычная ругань металась в горячем, как пар, возлухе.

Словно из жарко натопленной бани, распаренные, потные, взъерошенные, выскакивали легионеры из домов, волоча цветные ткани, одежды, сосуды с серебряной насечкой, увесистые горшки меда, мешки с мукой и изюмом, ковры, часы.

На площади валялись выволоченные из башен трупы друзов. Солдаты уже вырвали из одеревенелых рук маузеры. Белые всклокоченные бороды запеклись кровью и жутко щерились беззубые рты.

Группа сенегальцев и дегионеров со ржаньем волокла по камням двух старух-друзок. Покрывала сбились с белых волос, домотканные земляного цвета платья были изодраны и в разводах крови, но строгие пергаментные лица поражали спокойствием. Полузакрыв глаза, старухи что-то глухо бормотали. поражали Несчастных протащили дальше и зверски с ними расправились.

По улице солдаты гнали овец, крупнорогих баранов, мулов и лошадей. Иные легионеры лихо гарцевали на чистокровных арабских жеребцах.

Я со своими приятелями занялся очисткой огородов. Мы набивали огромные мешки тыквами, огурцами, морковью и луком. Потом началась охота за курами, утками и гусями. Дворы наполнились истеричным птичьим гамом.

Пратцер, Малэн и Гарвей ловили кур и мячами перекидывали их мне. Я связывал их за ноги огромной гирляндой. Затем вытащил из конюшни ребрастого лопоухого осла и стал нагружать на него птии.

Однако животное обнаружило неожиданный патриотизм — не пожелало служить врагам и покидать родные места. Ослик орал, хрипел, брыкался всеми четырьмя копытами, вскидывался на дыбы, пытался даже нас укусить. Мы лупили его нещадно прикладами, осыпали пинками и проклятьями, но он словно врос в землю.

 Бросьте, ребята,—заявил, отдуваясь Гарвей, - сами видите: с этой скотины хоть шкуру сдирай, все равно не сдвинется с месты. Упрям, как... осел! Давайте сами навьючиваться.

Словно охотники после сказочно удачной экспедиции в глубь лесов, мы стали обматываться гирляндами судорожно бьющихся, вопящих птиц. Я навесил себе на шею добрых три десятка и еле передвигал ноги под тяжестью этого живого жернова.

Проклятые утки долбили клювами виски, щипали меня за уши, того и гляди выклюют глаза! Двум-трем в пылу битвы я уже свернул шен — они будут использованы в первую очередь.

Наша четверка представляла уморительную картину. Людей почти не было видно в пестрых клубках перьев. Когда мы поровнялись с автомобилем, офицеры и генерал разразились взрывом хохота.

Однако их веселье было далеко не бескорыстным. Тотчас к нам подскочил ординарец и стал отбирать лучших гусей и кур для генеральского стола. Сопротивляться было бесполезно. Поругиваясь в бороду, мы расставались с самой жирной частью добычи. Впрочем и

на нашу долю оставалось достаточно. Между тем по деревне прокатился приказ: прекратить грабеж. Возвращались с гор навьюченные до ушей добычей и забрызганные кровью спаги. Колонна должна была покинуть Карак.

Нехотя стягивались в строй разгоряченные лигионеры. Сержанты рыскали по домам, выгоняя оттуда громил. Иных пьянчуг приходилось тащить на руках и тюками навьючивать на спины верблюдов.

- Сколько у нас потерь мертвецки пьяными?—смеясь спросил Гамлен подскочившего к нему с очередным рапортом алъютанта.
  - Девятнадцать человек, генерал!
- Окатить их водой, все равно всех водяных запасов нам отсюда не увезти.
  - Есть, генерал.

Окаченные теплой водой «трупы» начинали шевелиться, словно гигантские черви, и продирать глаза, как прозревающие шенки.

Колонна кое-как построилась. Теперь она походила на карнавальную толпу или цыганский табор: у многих головы были обмотаны яркими тканями, на спинах выросли гором из награбленных вещей, иные, вроде нас, щеголяли пестрым оперением.

Грянула команда. Шумный поток людей и животных стал медленно выливаться из разгромленного Карака. Оста-Они лась только группа сержантов. спешно обливали стены и полы домов керосином и тут же поджигали.

Когда мы отошли на километр от деревни, позади нас бушевал громадный рыже-алый костер под косматой шапкой бурого дыма...

ТУЗЕМНОЙ СТОЛИЦЕ

(От Комитета Севера)

Культурные базы, о которых идет речь в очерке «Город в тайге», строит Комитет Севера при ВЦИК РСФСР. Помогая туземцам перестроить жизнь на новых началах, культбазы ускоряют и облегчают привлечение малых народностей северных окраин к общей строительству Советской работе по страны. В будущем культбазы должны стать политическими и культурными центрами каждой народности.

Комитет Севера построил культурных баз: в местности Хоседа-Хард, Северного края, на реке Казым, на берегу залива Лаврентия, на побережьи бухты Ногаево, в Пенжинском районе, на острове Сахалине, в Усть-Майском районе Якутской АССР и наконец при впадении реки Кочечумо в реку Туро, в Туруханском районе. реку Туро, в Туруханском районе. История постройки этой базы и послужила темой для очерка Смирнова-Сибирского.

До конца пятилетки на крайнем севере будут построены еще две культурные базы.

Не сразу тунгус поверил культбазе. документов:

«Пристав под которою землицею, приманивали тех землиц людишек торговать. И имали у них жен и детей, и животы и скот грабили, и насильства им чинили многие. И от государевы высокие руки тех диких людей отгоняли, а сами богатели многим богатством...»

Вот маленькая выписка из архивных Тунгусы никогда не видели кур и до смерти боятся окументов:

Так завоевывали тайгу агенты московских царей.

Не раз и не два битые «государевыми высокими руками», тунгусы привыкли с недоверием относиться к делам пришлых людей. Отдать детей в чужие руки, в общежитие, в школу? Ни за что! Не поверил туземец сразу и в больничное лечение. Особенно трудно было приохотить тунгусок рожать детей в больнице.

Но всего труднее было с оленями. кое несчастье: половину оленей охватила жестокая болезнь-чесотка.

Надо было немедленно собрать больных оленей на культбазу и лечить ихмазями и газом в специальных камерах.

Оленеводы заупря мились. — Мы сами лечить будем. Давай

мазь. Тогда, чтобы показать туземцу результат лечения, было решено купить у туземных богатеев 100-200 больных оленей. Кулаки, почуя наживу, принялись торговаться.

 Можно продать, только немного. Двадцать орон пожалуй продадим.

Купленных оленей вылечили. Стоустая молва разнесла слух об этом по всей тайге. И через два года чесотка,

письмо, которое шло 83 года

Очерк Н. Б-с

Не так давно весь мир всколыхнула находка пропавшей экспедиции Андрэ, пионера полярного воздухоплавания. Вслед за этой сенсацией последовала вторая — записка, написанная 83 года назад другой неудачной полярной экспедицией, возглавляемой известным английским путешественником Джоном Франклином.

Семнадцатилетним юношей Франклин сопровождал экспедицию в Австралию. Но мечтой пылкого юноши был таинственный северный полюс.

26 мая 1845 г. Франклин отплыл из Англии на двух бригах «Террор» и «Эребус» с экипажем в 128 человек в полярную экспедицию.

Первую и последнюю весть об экспедиции доставил два месяца спустя капитан китобойного судна Даннер. Он встретил экспедицию в заливе Мельвиля (у берегов Гренландии), затертую льдами.

Несмотря на временное вынужденное бездействие, настроение экспедиции было бодрое, и Франклин оптимистически смотрел на будущее.

Прошло два года. От экспедиции не было никаких вестей. Стало ясно, что ее постигло несчастье. Были посланы спасательные экспедиции, не давшие результатов. И только в 1850 г. нашли следы лагерной стоянки на острове

Кости одного из 128 спутников Франклина, погиб-шего 83 года назад на земле короля Вильгельма.

злой враг оленеводства, была TOTE почти побеждена. А вместе с чесоткой

удалось победить и темноту тунгуса. В 1930 году через амбулаторию культбазы прошло около двух тысяч больных. Помимо этого врачи выезжали по чумам и лечили там, проводили роды, устраивали собеседования по охране материнства и младенчества. В школе обучалось 30 учеников. Преподавание ведется путем бесед и выполнения учениками практических заданий.

Помогая туземцу, культбаза в то же время организует его, перестраивает его хозяйство и быт, развивает его самодеятельность.

Туземец охотно работает на культбазе, выполняя ряд технических работ по заготовке дров и обслуживанию учреждений базы. Несколько туземок, родивших в больнице детей, остались там в качестве сиделок. Некоторые тунгусы, принимавшие деятельное участие в борьбе с чесоткой, служат и сейчас на ветпункте в качестве санитаров.

Не забыта культбазой и массовая работа. Работают кружки ликбеза, проводятся советские праздники, разъяснительные кампании. Правительство совсем недавно решило образовать самостоятельные национальные туземные районы. Тунгусы той местности, где работает культбаза, также получают национальное объединение, и таким образом уже близко осуществление основной идеи культурных баз. Тунгусская культбаза становится туземной советской столицей.

Бичи: пустую бочку, несколько кусков железа и могилы трех матросов.

Семь лет спустя вдова Джона Франк-лина снарядила на свои средства не большую экспедицию под начальством капитана Леопольда Мак-Клинтока.

Мак-Клинток отыскал на Земле Вильгельма эскимосов, которые рассказали ему о двух больших кораблях. Одно из этих судов затонуло, другое было затерто льдами. Белые люди забрали с собой лодки и ушли к Рыбной реке, где и умерли. Эскимосы нашли их тела.

Мак-Клинток показал эскимосам книжку и спросил, не находили ли они подобных вещей на судне.

- Теперь нет, отвечали эскимосы, -а прежде много, много... Найден был человеческий скелет в

лохмотьях; недалеко от скилета лежала записная книжка и несколько писем, но сырость окончательно уничтожила то, что в них было написано.

Помощник Мак-Клинтока сделал другое открытие. Он нашел остатки трех палаток. Здесь лежала жестяная робка, внутри которой обнаружили исписанный лист бумаги.

На основании этой записки было установлено, что Франклин оставил остров Бичи, взял курс на север к проходу Веллингтона, потом резко повернул на юг. Вскоре оба корабля были затерты льдами недалеко от Земли Вильгельма. Два года спустя умер Франклин, а оставшиеся в живых 105 человек под начальством Крозье покинули корабль в надежде спастись сухопутным путем. Снежные штормы, холод и голод сломили их волю, и суровый север принял их в ледяные объятия.

Теперь, 85 лет спустя, когда с каждым днем завоевывает положение новый вид сообщения - воздушный, когда авиация вытесняет остальные виды передвижения, многое недоступное тогда стало возможным теперь.

25 августа 1930 г. из бухты Копперман (Сев. Канада) вылетела воздушная экспедиция Бурваша. Экспедиция поставила себе целью сделать аэрофотосъемку северного магнитного полюса, нанести на карту неисследованные об-

ласти и установить подробности гибели экспедиции Франклина.

Аэроплан был нагружен доотказа научным снаряжением, включая коротковолновую радиостанцию и приспособления для аэрофотосъемок.

Курс был взят на Землю Виктории. Небо было не совсем ясным. Клочья тумана изорванными кусками грязной завесы прикрывали кое-где пейзаж, но косые лучи арктического солнца дали все же возможность рассмотреть ясно и четко пустынную Землю Виктории.

Это огромнейший остров, испещренный озерами, холмами. Здесь царство песка, гравия и мха. Большие реки своим медленным течением оттеняют мрачный колорит острова. Жутким контрастом голым серым скалам отливают аквамариновые воды озер.

устья большой реки, вытекающей из неизвестного озера, не нанесенного на карту, стоят несколько игло: лагерь эскимосов-рыболовов. Они запасаются на зиму семгой, которая водится в этом

районе в большом количестве. Дальше на протяжении многих сотен километров никаких признаков ни, - унылая оледенелая местность.

Наконец показались белые пятна, вскоре принявшие облик строений. Это гавань Кэмбриджа, цивилизованный центр малоизвестного континента.

В гавани стоят две шхуны, которые раз в году привозят транспорт продовольствия и снабжения для обитателей острова.

Отсюда экспедиция направилась Землю Вильгельма. Снизилась на северо-западной оконечности острова. Без особого труда нашли надгробные камни-молчаливые свидетели стоянки экспедиции Франклина. Огромные льдины, из года в год громоздившиеся на берег, штормы и дикие звери почти совсем уничтожили следы стоянки. Лишь в одном месте удалось найти груду костей-остатки погибшей экспедиции, и в другом-снасти с погибших кораблей.

Вскоре после опубликования в газетах отчета о воздушной экспедиции и о найденных остатках экспедиции Франклина нью-йоркская Историческая блиотека получила интереснейший документ, написанный 83 года назад. Это-весточка, посланная Франклином в бутылке в 1847 г.

Район полета экспедиции Бурваша

Бутылка была найдена несколько лет оконечназад моряком на северной ности Канады (река Ойстер). Бумага была изорвана и частью истлела. Несколько лет она валялась в сундуке. Прочитав отчет экспедиции, жена моряка вынула бумагу, склеила ее (восстановлено почти все, за исключением двух углов) и послала на экспертизу в Историческую библиотеку, где точно была установлена ее подлинность.

Это был обычный «формуляр», какие заготовляли заранее на случай несчастья; написан печатными буквами на нескольких языках: английском, французском, испанском, голландском, норвежском и немецком. На формуляре —сводка, датированная тремя раз-ными числами. Первое сообщение гласит о зимовке экспедиции во льдах второе—об оставлении судна и последнее— о смерти Франклина и 23 других членов экспедиции. Экспедиция обра-щалась с просьбой к нашедшему бумагу доставить ее ближайшему британскому консулу с пометкой, когда и где найлена.

Вот ее содержание:

«Г. М. С. «Эребус», зимующий на 70°5′ с. ш. и 98°23′...

долготы 28 мая 1847 г.

Перезимовали 1846/47 на острове Бичи на 740 43' с. ш. и 910 31' з. д.; пройдя проход Веллингтона до 770... широты, возвратились с западной стороны Корнваллиса.

Нач. экспедиции Джон Франклин. Все идет хорошо».

Внизу — инструкция для передачи бумаги в случае ее нахождения, а еще ниже следующее:

«Группа из 2 офицеров и 6 матросов оставила корабль в понедельник 24 мая 1847 г. Лейт. Гор. Ф. Де Вэ — юнга».

На полях левой стороны бумаги частью стерто следующее сообщение:

«1848 г. корабли «Терроре» и «Эребус» были оставлены 22 апреля ССВ этого... будучи осажденными льдами с 12 сентября 1846 г. 105 человек офицеров и команды под начальством Крозье высадились на берег под 69° 37′ 42″ широты и 98° 41′... долготы. Сэр Джон Сэр Джон Франклин умер 11 июня 1847 года».

Вверху листа частью стертая над-

«До настоящего времени погибло 9 офицеров и 15 матросов.

Джемс Фитиджемс, капитан «Эребуса».

Так срываются покровы с полярных тайн благодаря науке и технике, которые гигантскими шагами движутся вперед. Огромные стальные птицы нарушают покой вечных льдов и делают реальным и возможным то, что казалось неосуществимым еще так недавно.

Стройка в Хибинах

В нашем журнале уже отмечалось о нахождении на Кольском полуострове, в Хибинских тундрах единственного в мире по своему богатству месторождения нефелино-апатитов.

Из апатитов получаются в большом количестве: суперфосфат, желтый фосфор, окись алюминия, щелочи, жидкое и бутылочное стекло, ультрамарин, ферро-титан для металлической промышленности и т. д.

Отв. редактор С. Кэмрад

ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Нефелин, которого содержится 40— $50^{0}/_{0}$, с успехом применяется в стекольной и алюминиевой промышленности. Кроме того нефелин можно использовать как удобрение.

Из многих стран Запада поступают запросы на апатитовую руду; первая партия в 1 000 тонн же отправлена в Германию.

К концу пятилетки добыча апатитов достигнет 3 млн. тонн. Для осуществления этой грандиозной задачи предпринята постройка железнодорожной ветки гидростанции. Кроме того Академия наук строит специальную метеорологическую станцию.

На снимке: постройка дороги к обогатительной фабрике.

Угольные копи на высоте 17 000 метров

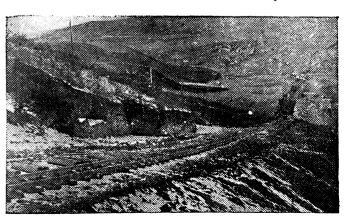
В южном Киргизстане заработали новые каменноугольные шахты «Как Янга». Шахты расположены в горах на высоте 1 700 метров. Они будут давать вгод 175 тысяч тони угля. Весь советский хлопок – текстиль добываемый уголь пойдет на удовлетворение нужд южной части Киргизской АССР и хлопковой Ферганской долины.

На фото показан строящийся бремсберг — железная дорога особенного устройства для увозки угля, где движущей силой являются сами груженые вагонетки. Спускаясь с горы с углем, они силой своего движения, посредством цепного соединения, подают по другому пути порожний состав.

ным фабрикам

З Сардорибаде (Армения). Авиоотряд по опылению клопка перед полетом.

М. Г. 21